

УДК 821.161.1 : 81:1

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ВЫСШИЕ ФОРМЫ  
ОПЫТА* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ  
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – XXI ВЕКОВ**

**И. В. Гладилина, Е. Г. Усовик**

Тверской государственной университет  
*кафедра русского языка*

В статье на материале классической и современной русской литературы рассматриваются особенности языковой репрезентации концепта «Высшие формы опыта», определяется его роль в картине мира нации.

**Ключевые слова:** *русская литература, концепт, менталитет, языковая картина мира нации*

Многие исследователи, обращаясь к проблеме национального характера русского народа, пытаются найти неповторимое качество, отличающее его от других народов. Особое внимание при изучении русского менталитета уделяется религиозности. На протяжении почти тысячи лет она составляла сердцевину русского архетипа. XX век принес социальные катаклизмы и, как следствие, трансформацию отдельных черт русского менталитета. Подверглась ли этим изменениям религиозность?

Объективный ответ мы можем получить, если обратимся к языку как основному средству познания и его результату – языковой картине мира нации. Материалом нашего исследования стали три художественных текста – Н. С. Лесков «Очарованный странник», Л. М. Леонов «Пирамида», Ю. М. Поляков «Грибной человек», принадлежащих разным социальным периодам развития России.

Религиозный характер русского человека тесно связан с такой чертой, как «высшие формы опыта» – религиозный опыт, нравственный опыт, эстетический опыт, восприятие чужой душевной жизни, интеллектуальная интуиция, которыми весьма одарен русский народ. Отсюда характерным стремлением русской личности в ее лучшем проявлении будет стремление к христианской этике, науке и искусству как высшим формам отражения действительности. Поэтому основополагающими дескрипторами при описании данного концепта будут являться лексемы *добро, красота, истина*.

Дескриптор *доброта*. В «Очарованном страннике» Н. С. Лескова жизненный путь Ивана Флягина является не просто странствием, а стремлением к постижению «высших форм опыта» – добра, красоты, истины, справедливости, правды, к поиску которых тяготеет русская душа. Мир познается им не рационально, а интуитивно, на уровне сердца, эмоций, и в основе такого познания лежит эстетическое чувство.

С первых страниц повести в главном герое раскрываются основные черты, свойственные русской натуре – доброта, простодушие («типический, простодушный, добрый русский богатырь») и его откровенность («повествования своего он исповедал со всею откровенностью своей простой души» [1, с. 132],

«удовлетворил любопытство с полной откровенностью, изменять которой он, очевидно, был вовсе не способен» [1, с. 55], «отвечал добродушно» [1, с. 45]. Иван Северьяныч наделен добротой как личным качеством: «он, по доброте своей, всеконечно от этого не отказался и поведал о своем «последнем выходе» [1, с. 74], что совпадает со значением «делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества» [1, с. 75].

Патриотизм и любовь главного героя к родине проявляются в его смертной тоске по родной стороне, когда десять лет ему приходится пробыть у татар в плену. Именно с этими чертами герой связывает представление о смысле своего существования, о добре как самопожертвовании на благо родины. Не зря в тот момент, когда он говорит, что «за народ очень помереть хочется [1, с. 132], как бы вновь ощущает на себе «наитие вещательного духа» [1, с. 132].

Доброта в понимании главного героя также может быть определена через парадигматические связи с лексемам *жалость* и *сострадание*, испытываемыми не только к человеку, но и ко всему живому. Иван Северьяныч, оказавшись в Николаеве на торжке, попадает к барину, который с уверенностью берет его в няньки, объясняя «если голубят жалел, так ты можешь мое дитя выходить» [1, с. 26]. Так, в «Очарованном страннике» основными языковыми единицами, раскрывающими проявления доброты, являются *жалость*, *милосердие*, *готовность пожертвовать собой ради других*, *приятие чужой судьбы*.

В «Пирамиде» Л. М. Леонова некоторые герои (отец Матвей Лоскутов, его дочь Дуня, сыновья Вадим и Егор, правдоискатель Никанор, горбун Алеша) сосредоточены на поисках заветной *мечты* или *высочайшей религиозной правды*. В романе писатель поднимает важные темы духовного поиска русского человека XX века, религиозно-философских исканий, судьбы церкви, духовного назначения и самоопределения нации.

К жертвенной бескорыстной помощи, спасению человечества, замаливанию его грехов, всепрощению, чуткому восприятию чужих душевных состояний стремится душа Дуни Лоскутовой. Доброта ее является естественным, природным свойством: «по доброте своей Дуня жалела» [2, т. 1, с. 290]. Она наделена особыми качествами и предстает перед нами как «кроткая Дунюшка» [2, т. 2, с. 627], «слишком ранимая» [2, т. 1, с. 25], «милосердная Дунюшка» [2, т. 2, с. 38] «с предельной степенью душевной хрупкости» [2, т. 2, с. 69].

Прощаясь с ангелом Дымковым, Дуня дает ему советы, которые идут больше от сердца, но помогут освоиться Дымкову на земле, не задумываясь, отдаст все, что может пригодиться: «Дуня вполголоса давала Дымкову детские наставленья: не трепаться с посторонними людьми, не класть документы в наружный карман и, главное, везде платить настоящие деньги, не прибегая к своим опасным теперь способностям. Заботясь по-матерински о своем создании, она подарила ему свой любимый сафьяновый кошелечек с мелочью на проезд» [2, т. 2, с. 122], «напоследок стала совать любимые свои, подарок и работу матери, пестрые рукавички ему в карман» [2, т. 2, с. 122].

Истинная милость является плодом христианской любви. Милости требует от нас Божье слово, и Дуня интуитивно соблюдает эту заповедь. Она исполнена глубокого сострадания и жалости к тем, кто страдает от беззакония. Так, Дуня «украдкой бегаем подкармливать аблаевских девочек» [2, т. 2, с. 38], «если же подсчитать, сколько всяких харчей перетаскала туда милосердная Дунюшка тайком от родителей, не посмевших ее остановить, то, конечно, без соседской доброты Аблаевы раньше срока достигли бы того края» [2, т. 2, с. 38].

Особенностью бескорыстных добрых дел является отсутствие за них платы. Такие дела идут от души, милосердны, и награда за них – видеть, что оказанная помощь облегчила чью-то жизнь. Так, о. Матвей отмечает в матери Алеши: «Она была так простодушна, что представлялось бессовестным – монетой профессионального утешения воздавать ей за оказанную милость» [2, т. 2, с. 419] и никакой платы за помощь добродушной старушке не требуется: «А нам твоего и не надо. Мы и так за все благодарные!» [2, т. 2, с. 419]

Таким образом, в «Пирамиде», как в «Очарованном страннике», мы отмечаем фактически идентичный круг лексем, репрезентирующих дескриптор *доброта* – христианское милосердие, щедрость, стремление ко всеобщему благу. Однако в романе Л. М. Леонова мы можем отметить и определенную деформацию христианской этики: стремление совершать добрые поступки, делать что-то в ущерб своим личным выгодам может сопровождаться и корыстными намерениями, желанием самоутвердиться. Так, кинорежиссер Сорокин, несмотря на «благородный мотив сердца» [2, т. 2, с. 103], помогая Дуне, все-таки видит свое превосходство – «приятно чувствовать себя властелином из знаменитой сказки» [2, т. 2, с. 103].

Эта тенденция последовательно представлена в поступках героев романа Ю. М. Полякова «Грибной царь»: доброта обретает материальные черты – «Деньги могут и добру послужить!» [3, с. 280]. Так, главный герой Михаил Свирельников помогает отцу Валентину со строительством храма: «Михаил Дмитриевич за свой счет подвел к храму новые трубы (старые-то в труху превратились) и пообещал, когда начнутся отделочные работы, бесплатно установить полный комплект сантехники... помощь по дружбе» [3, с. 175]. Проявление доброты в романе Ю. Полякова в большинстве случаев сводится к ее механическому проявлению – материальной помощи. Появляется дефиниция *доброта есть польза*, что может говорить об отсутствии нравственных, душевных стремлений совершать что-либо во благо. Мать Светки, обращаясь к Свирельникову, говорит, что «вашу доброту надо... понимаете... систематизировать» [4, с. 210]. То есть под добротой, добрыми поступками подразумевается польза, которая должна носить упорядоченный характер и, как выясняется, материальное воплощение: «В общем, договорились, что он будет платить за институт: оказывается, Светка недобрала полбалла и училась на коммерческой основе. Кроме того, со смерти мужа прошло много лет, и за это время в квартире ни разу не делали ремонт» и было бы неплохо, «если бы Михаил Дмитриевич, человек явно не бедный, снял для Светки отдельное жилье» [3, с. 210].

Дескриптор *красота*. Красота происходит от существительного *краса*, от праславянской формы которого произошли: «старославянское *краса*, русское, украинское, белорусское *краса́*, сербохорватское *краса* «змея» (эвфемизм), чешское *krása* «красота». Отсюда *красный*, *прекрасный*, *красоваться*, *красить*, *красота*. Также указывается вероятное родство со словами *хвалиться*, *слава*, *победоносный* [4, с. 367].

Словарные толкования показывают, что лексемы *прекрасный*, *красивый*, тождественные корнем *крас-*, семантически различны: *красивый* описывает только внешний вид объекта и относится в основном к эстетике, красота употребляется и в эстетическом, и в этическом смысле (душевная красота); *прекрасный* может характеризовать разные аспекты объекта, а не только его внешний вид, включая в себя и эстетическую, и этическую, и утилитарную оценку (прекрасное лицо,

прекрасный человек, прекрасный врач). В эстетическом значении они равнозначны.

В народном представлении зримая красота часто противопоставлена другим качествам человека. Красота уступает уму: «Красота до венца, а ум – до конца»; поступки человека ценятся больше, чем его внешность: «Не тот хорошо, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гож»; красота часто противопоставляется моральному облику человека: «Рожка крива, да душа пряма».

Вл. Соловьев в работе «Красота в природе» [5], обращаясь к проблеме прекрасного, считает, что эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности и что «красота в природе не есть выражение всякого содержания, а лишь содержание идеального...она есть воплощение идеи. Красота есть идея, воплощенная в мире человеческого духа» [5]. Красота может выражаться в лексико-семантическом классе «общественные явления», который могут составлять прилагательные *изумительный, хороший, истинный, доблестный, вдохновенный, величавый, свободный* и в классе «человеческая деятельность»: *ясный, яркий, изящный, обаятельный, пламенный, выразительный*. Видно, что в представлении о красоте ни намек на прагматизм, красота для русских – идеал, а не польза.

Наиболее распространенным воплощением красоты в рассматриваемых текстах является красота в природе. Причем само восприятие прекрасного в большинстве случаев сопровождается эмоционально-психическими реакциями. Так, подъезжая к монастырю, главный герой Н. С. Лескова отмечает, что «...дорожка в чистоте, разметена вся, и подчищена, и по краям сажеными березами обросла, и от тех берез такая зелень и дух, а вдаль полевой вид обширный... Словом сказать – столь хорошо, что вот так бы при всем этом и вскрикнул» [1, с. 16].

Будучи «природным конэсером» и человеком, трепетно относящимся ко всему живому, Иван Флягин описывает лошадь на ярмарке следующим образом: «Кобылица была, точно, дивная, ростом не великонька, подобье арабской, но стройненькая, головка маленькая, глазок полный, яблочком, ушки сторожкие; бочка самые звонкие, воздушные, спинка как стрелка, а ножки легкие, точеные, самые уносистые» [1, с. 37]. Восхищаясь «красой природы, совершенством», герой «не то что душу, а отца и мать родную, и тех бы не пожалел» [1, с. 37] за такую лошадь.

Женская красота в повести «Очарованный странник» описывается с помощью зооморфных метафор, которые, по мнению Н. Д. Арутюновой [6, с. 76], призваны вскрыть его внутреннюю сущность, проявляющую себя в поведении и жизненной позиции, и редко заключают в себе чисто эстетическую оценку: «...взмахнула на него ресничками... ей-богу, вот этикие ресницы, длинные-предлинные, черные, и точно они сами по себе живые и, как птицы какие, шевелятся»; «цыганка ходит этакая... даже нельзя ее описать как женщину, а точно будто как яркая змея, на хвосте движет и вся станом гнется, а из черных глаз так и жжет огнем» [1, с. 88].

Таким образом, красота в повести Н. С. Лескова – это, прежде всего, красота в природе и в животном мире, что высоко ценится главным героем, и внешняя, телесная, красота, которая является характеристикой личности.

В «Пирамиде» Л. М. Леонова также красота внешняя – отражение внутренней. Так, внутренняя красота Дуни Лоскутовой – праведный характер, ее жертвенность и милосердие – внешне сравнивается с небесной красотой. Она

привлекает внимание кинорежиссера Сорокина сходством со святыми праведниками: «нестареющее лицо, но со складкой горечи о пережитом вчера и печально затуманенный взор куда-то в неминуемое завтра» [2, т. 2, с. 84]. Красота, проявляющаяся в социальном строе, красота-справедливость в «Пирамиде» является одним из основных воплощений утопических мечтаний и споров семьи Лоскутовых о лучшем будущем.

Как и в «Очарованном страннике», в романе Ю. М. Полякова красота тоже воплощена в природе: «За вырубкой началось, как говаривал дед Благушин, красное лесье – свободный, красивый, прогулочный лес: высокие березы и маленькие елочки, изредка – осины. На опушке трава была усеяна редкими желтыми листьями», Свирельников нашел гриб, «тугой и красивый, именно такой, как изображают на картинках в красочных руководствах по "тихой охоте"». Шляпка была лоснящаяся, шоколадная, только в одном месте немного подпорченная слизнем, но ранка уже успела затянуться свежей розоватой кожицей. Он долго любовался грибом и наконец бережно положил его в свою большую корзину». [3, с. 9].

Внешняя красота представлена как маркер материального благополучия: «Свирельников посмотрел на себя в зеркало и остался доволен: в темно-сером костюме от "Сквайра", дымчато-полосатой рубашке от "Бугатти" и скромном, стального цвета галстуке от "Меркурия" он выглядел как человек скорее состоявшийся, нежели состоятельный» [3, с. 89].

Таким образом, дескриптор *красота* в «Грибном царе» представлен единицами *материальное благополучие* и *красота природы*.

Дескриптор *истина*. Русское языковое сознание стремится к внутреннему, мистическому, интуитивному познанию сущего. Испытывая нелюбовь ко всякого рода абстракциям, русская мысль создает иное миропонимание, в котором многие понятия заземляются. Так, истина может приравниваться к правде. Например, в словаре В. И. Даля указывается: «Истина – противоположность лжи; всё, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть; *ныне* слову этому отвечает и *правда*, хотя вернее будет понимать под словом правда: *правдивость, справедливость, правосудие, правота*» [7].

В «Очарованном страннике» жизнь главного героя, его поведение, миропонимание, отношения с людьми определены заповедями Иисуса Христа. Он противопоставляет любовь ненависти, прощение – мести, доброту и милосердие – злобе, сострадание – жестокости, веру – безверию. Через сострадание и помощь ближнему он духовно совершенствуется и старается приблизиться к идеалу. В представлении Ивана Северьяныча истина – это религия, вера. Поэтому, оказавшись на Кавказе, он хочет «за веру умереть», и возрадовался, когда миссионеры пришли татар «слову божьему учить» и «христову веру уставлять».

В романе Л. М. Леонова одним из основных выражений истины является соблюдение христианских заповедей. Для о. Матвея, Дуни, Горбуна Алеши и других героев идеальна та жизнь, в которой эти заповеди будут не на слове, а на деле. В связи с преобладанием атеистических настроений в обществе, многие заповеди искажаются. Так, Вадим Лоскутов, работая над романом о строительстве пирамиды, замечает, «что сметает с отмели вчерашние следы и заповеди для начертанья новых. И вот уже не на шутку пьянила власть над будущим, что внушается избранникам необходимостью уже сегодня, в зародыше подавить возможное сопротивление потомков провозглашенной истине» [2, т. 1, с. 85].

Искаженной представлена и одна из основных заповедей: «Любовь к ближнему они объявят заповедью каменного века – как знахарское лекарство от перегибов и применяемое без учета медицинских противопоказаний. Ибо слишком дорого обошелся нам человеческий облик, чтобы обменять его на талон всемирного братства. Будет сказано в оправдание, что именно христианская участливость, возвышавшая боль и нужды низших на уровень государственной доктрины, разъедала устои древних царств» [2, т. 1, с. 602]. Эта же заповедь «выглядела оскорбительной филантропией и замещалась параграфом о взаимозаинтересованности, где неписаный моральный принцип подменялся карающей статьей закона» [2, т. 1, с. 142]. В понимании о. Матвея, «последнего ортодоксального верующего служителя церкви небесной», поиск истины и возможность постижения тайн бытия сочетается со странничеством: «По слухам, именно в стремлении к недостижимому и заключается блаженство мудрых» [2, т. 2, с. 342].

Истина как христианская вера, праведная жизнь является спасительной в «Грибном царе». Приход к вере бывшего атеиста Головачева в буквальном смысле спасает ему жизнь: «В какой момент душевная сила вдруг стала проникать в умирающее тело, оживляя его, Головачев и сам точно определить не мог», «В храме Головачев стал своего рода достопримечательностью, живым свидетельством милостивого всемогущества Бога Живаго» [4, с. 172].

Диахронический анализ концепта *высшие формы опыта* позволяет нам проследить те изменения, которым он подвергся на протяжении последних 150 лет: дескрипторы *доброта, красота, истина*, маркирующие данный концепт и, соответственно, основные черты русского менталитета, наряду с устойчивостью семантического ядра демонстрируют и изменения, что свидетельствует о деформации отдельных фрагментов картины мира нации.

Так, наибольшие изменения претерпела такая черта русского менталитета, как доброта: если в «Очарованном страннике» и «Пирамиде» под соответствующий дескриптор подводятся лексемы «милосердие, щедрость, жертвенность, стремление ко всеобщему благу», подчеркивающих религиозный характер русского человека, то в «Грибном царе», романе XXI века, основными семантическими дефинициями доброты являются польза, материальная выгода.

Интерпретация понятия красоты в анализируемых произведениях XIX – XX вв. позволяет говорить о доминировании христианской этики в русском менталитете в этот период: это красота природы, созданная Всевышним, это красота внешняя как отражение моральных качеств, как представление о социальной справедливости устройства общества. Однако в романе Ю. М. Полякова опять же находим определенную деформацию доминанты русского характера – религиозности: представление о красоте сужается до сугубо телесной и становится «приземленным»: христианский эстетический идеал разрушается, так как красота человека – всего лишь иллюстрация материального благополучия.

Только дескриптор *истина*, его наполнение в составе концепта *высшие формы опыта* свидетельствует о том, что ядро русского менталитета остаётся неизменным: стремление к истине как праведной жизни по христианским заповедям, понимание её как веры объединяет все три произведения.

### **Список литературы**

1. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Очарованный странник. М.: Правда, 1973. 382 с.
2. Леонов Л. Пирамида: в 2т. [Электронный ресурс]. М.: Голос, 1994. 1482 с. URL: <http://read24.ru/view/leonid-leonov-piramida-t2.html> (Дата обращения: 23.01.2014).
3. Поляков Ю. Грибной царь. М.: РОСМЕН, 2005. 461 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. Е – Муж. М.: Прогресс, 1967. 672 с.
5. Соловьев В. С. Красота в природе [Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=761786> (Дата обращения: 23.09.2013).
6. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1978. Т. 37. № 4. 576 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 1979. 779 с. URL: <http://www.vidahl.agava.ru/> (Дата обращения: 12.09.2014).

**THE LANGUAGE REPRESENTS CONCEPT *HIGHEST FORM OF EXPERIENCE* IN THE WORKS OF RUSSIAN LITERATURE XIX - XXI CENTURIES**

**I. V. Gladilina, E. G. Usovik**

Tver State University  
*The department of Russian language*

In the article on the material of classical and modern Russian literature discusses features of language representation of the concept "the Highest form of experience", determined his role in the film world nation.

**Key words:** *Russian literature, the concept, mentality, language picture of the world Nation*

*Об авторах:*

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: [igladlina@yandex.ru](mailto:igladlina@yandex.ru)

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: [igladlina@yandex.ru](mailto:igladlina@yandex.ru)